

Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья вторая)

Во второй части настоящей статьи предпринята попытка анализа универсальных механизмов тоталитарного «сплющивания», «сворачивания», «самопреломления» советской истории. Получен ответ на вопрос, каким образом тоталитаризм из начала развития советской истории стал основанием, а затем и формой ее симулятивного и символического бытия, какое место в этих процессах занимал террор. Как он из «подручного средства» (Хайдеггер) самообоснования тоталитаризма превратился в тотальный террор, а в условиях Оттепели, Застоя, Перестройки приобрел символическую форму своего проявления. Делается вывод о том, что советская история преодолевала в себе нехватку бытия, его недостаточность и свое небытие, конституировала себя в качестве «полного», «позитивного», «собственного» бытия с помощью сталинизма, который был «метафизическим коэффициентом» (Сартр) ее развития. В статье подробно рассматривается, как жизнь с помощью дискурса монументальной, антикварной, критической истории противостоит эпидемии «исторической болезни» советской истории, посредством автономизации и историоризации, идеализации, трансцендирования освобождает ее от различного рода сокрытий, как в результате всех этих процессов она открывает в советской истории ее «бытие-к-смерти» (Хайдеггер).

Ключевые слова: тоталитаризм; террор; социализм; социалистическое строительство; сталинизм; эпидемия «исторической болезни»; монументальная; антикварная; критическая история.

Советская история есть то, что она есть, чем она является, а также сущее существующего и являющегося бытия. В первой части настоящей статьи мы рассматривали ее как специфический феномен истории, который становится, в результате чего у него появляется постоянно действующий источник развития, определяющий непрерывность осуществления. Анализировали, как происходит его самоопределение в качестве целостного исторического мира, в котором источник превращается в предельное основание развития, а собственно феномен истории превращается в бытие феноменов, образующих особое «бытие-в-мире». Наконец, мы попытались объяснить, как советская история обращается из основания самой себя в универсальную форму развития этого мира, становится способом обнаружения направленности его качественных изменений. Во второй части настоящей статьи мы раскроем универсальные механизмы осуществления *истории* (развития) советской истории и их связь с жизнью. Определим, с помощью каких средств жизнь пытается противостоять эпидемии «исторической болезни» советской истории. Все это должно позволить нам в заключительной части нашего исследования объяснить, как и почему советская история стала Куполом для исторической жизни, а она, в свою очередь, превратилась в *ретрожизнь*.

Тоталитаризм и террор

Обычно тоталитаризм определяют с помощью шести основных признаков (К. Фридрих и З. Бжезинский). Мы не будем оригинальны в установлении их количества, но в отличие от доминирующего в современной литературе экстенсивного (дескриптивного) подхода, фиксирующего лишь некоторые, безусловно важные, но всего лишь наличные формы его осуществления, мы выделим те субстан-

* Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).
E-mail: rectoruapa@me.com

циональные признаки, которые характеризуют сущность и качество его исторического бытия. Тоталитаризм – это история, началом развития которой является власть [1]. Его движение осуществляется посредством развития определенной формы исторической самостоятельности (строительства) человека [2]. Отношения между властью и строительством регулируются «имплозией» (Бодрийяр) – особым способом их оборачивания друг в друга [3]. Они сближаются вплоть до абсолютного тождества посредством «симуляции» (Бодрийяр) [4], которая делает историческую реальность гиперреальностью [5] и превращает целостный исторический мир в «фиктивный мир» (Аренд) [6].

Советская история и тоталитаризм

Советская история становится как тоталитаризм. В процессе развития ее исторического бытия он превращается из источника в основание и способ (форму) его существования как непрерывного, целостного, направленного исторического мира. Если тоталитаризм является способом движения советской истории, образует своеобразную систему ее развития, то террор – это основной и системообразующий принцип раскрытия этой системы. Будучи сущностью «тоталитарного господства» (Аренд), он воплощает, реализует на практике основной закон самодвижения тоталитаризма. Террор «как исполнение закона движения (конечная цель которого – не благо людей или интересы отдельного человека, а выдуманное человечество) уничтожает индивидов во имя рода, приносит в жертву “части” во благо “целого”» [1, с. 603], которым как раз и является тоталитарный мир советской истории.

Тоталитаризм, будучи для-себя конкретным тождеством, особенным сплавом диктатуры пролетариата и строительства социализма, «раскрывает бытие как целостность, поскольку для-себя имеет в бытии свою собственную целостность в распадающемся модусе» [9]. Как «самодвижущееся» начало развития советской истории он в-себе заключает собственное отрицание, которое и является причиной его осуществления в виде особого распадающегося модуса – в виде террора, являющегося «полным отрицанием» и «отрицанием всего» (Гегель). С его помощью бытие тоталитаризма «раскрывается как не являющееся для-себя, способ, посредством которого существует бытие» [9] целостного советского исторического мира. И это бытие есть «полное отрицание» его целостности. В результате «отрицания всего» советская история превратилась в «фиктивный мир» и стала Ничто. Если для-себя тоталитаризм должен «быть ничто, посредством которого “есть” бытие, оно может иметь здесь первоначально бытие только как целостность» [9], то террор был тем «есть», которое посредством распадающейся модуляции открыло фиктивность, разомкнуло целостность тоталитарного мира как Ничто. Открыло и разомкнуло в советской истории то, что она «есть сама человеческая реальность как радикальное отрицание, посредством которого открывается мир» [9].

Тоталитаризм стал началом развития советской истории в процессе и результате взаимной контракции, обрушения «друг в друга двух традиционных полюсов» [3] диктатуры пролетариата: формы классовой борьбы и способа организации власти. В процессе становления тоталитаризма эти «два дифференциальных полюса имплозируют друг в друга или рециркулируют друг друга» [3]. В результате «огромного насыщения системы своими собственными силами, отныне нейтрализованными, неиспользуемыми, непонятными, за исключением взрыва, направленного внутрь, имплозии» [3] диктатура пролетариата поглотила всю живую историческую энергию и воспроизвела ее в форме «импловивного излучения» [3], породившего «длительную холодную катастрофу всемирной системы апотропии» [3] – цепную реакцию симулякров и симуляции социалистического строительства,

которая, в свою очередь, поглотила всю энергию реальности советской истории и в особенных формах растворила ее в непрерывном процессе симуляции социализма. В отличие «от взрывного насилия, направленного вовне» [3] имплозия диктатуры пролетариата породила такую форму насилия, которая была направлена внутрь нарождающегося тоталитаризма – направлена на него самого как единство диктатуры советской власти и социалистического строительства. Ее-то мы, вслед за Арэнд, и называем тотальным террором – внутренним насилием «по отношению к перенасыщенной целостности» [3] тоталитаризма как в расширенных масштабах воспроизводимого и обновляемого начала развития советской истории.

В результате «импловивного безумия» (Бодрийяр) процесс становления советской истории превратился в начало ее развития. «Именно здесь берет свое начало симуляция» [3] ее целостного существования, создавая из реальной истории симулятивную «подделку» – гиперреальность тоталитаризма. В точке окончания становления советской истории ей как особенному историческому процессу пришел конец: «коловоращение репрезентации приобретает в ней безумную скорость» [2], и все произведенные ей репрезентации разлетелись в разные стороны, исчезли, растворились в гиперреальности «подделок» и галлюцинаций социалистического строительства социализма.

С «Великого перелома» и коллективизации «начинается ускоренный процесс имплозии, которая замораживает все вокруг себя и поглощает всю живую энергию» [3] советской истории, превращая ее в тоталитаризм – в начало развития «фиктивного мира». В результате резкого ускорения борьбы с классово чуждыми элементами, «реверсии всего цикла к самой низкой точке, реверсии энергии к минимальному порогу» [3], которым была диктатура, произошло своеобразное «сплющивание» (Бодрийяр) исторического мира до тоталитаризма как гиперреальности советской истории. Одновременно с этим произошла и ее деконструкция. В результате чего целостный мир распался на множественные социальные и «классовые» детали и произошло их «замкнутое в себе парадигмальное склонение по падежам» [2] насилия и террора, который превратился в линейный и серийный процесс нескончаемой борьбы с «чуждыми элементами». Тотальный террор «сворачивает» (Бодрийяр) уже «сплюсненную» до тоталитаризма советскую историю, что позволило ей произвести «умножение объекта» [2] – в расширенных масштабах воспроизвести бесконечное преломление друг в друге полученных в процессе инволютивно сворачиваемого исторического мира тоталитаризма частей и элементов социалистического строительства социализма.

В процессе превращения тоталитаризма из источника и основания в способ движения целостной советской истории «старая добрая материалистическая история сама стала процессом симуляции» [2] и, будучи непрерывным историческим процессом, обрела в целостном историческом мире социализма свою вторую, теперь уже симулятивную жизнь – произошел процесс «самоотражения» (Бодрийяр) «сплюсненной», «свернутой» истории в своих «победах», «свершениях» и «преимуществах». В результате того, что в этом процессе он был полностью лишен своей собственной субстанции, строительство стало чисто символической процедурой «коммунистического строительства», «совершенствования развитого социализма», «перестройки» всего того, что уже было построено и недостроено до этого. И, что очень важно отметить, все эти процедуры не были формами театрально-гротескной пародии на реальность – это была реальность симулятивной гиперреальности тоталитаризма, пытающегося с помощью тотального символического насилия воссоздать целостность и направленность развития исторического мира социализма.

Когда в процессе и результате «самопреломления» тоталитаризма произошло «вторжение символического» в советскую историю, целостный мир социалисти-

ческого строительства социализма стал «своей моделью («чистым взглядом»)» [2] самого себя. Обернувшись в процессе «самоотражения» на саму себя как историю тоталитаризма, социалистическое строительство социализма попыталось «истончиться, пожертвовать собой, самоустраниться перед реальностью» [2]. С помощью особых символических модуляций «отдаривания» [2] социализм попробовал стать «коммунизмом», «развитым социализмом», «социализмом с человеческим лицом». Делал это он даже не путем реальной комбинаторики различных знаков и возвращения им с помощью «символического насилия» некоторой референции, а посредством превращения социализма из подделки реальности (социалистического строительства) и репродукции гиперреальности (социалистического строительства социализма) в порождающую себя в себе модель – модель «самоотражения» истории тоталитаризма в целостном историческом мире советской истории.

Тоталитарная «система обладает исключительным правом на дарение без отдаривания» [2]. В ней только власть имеет право на дарение – только она может строить светлое будущее. Когда в эпоху Оттепели, Застоя и Перестройки она особым образом «самоотразилась» – обернулась на саму себя как симулирующую гиперреальность и с помощью символического насилия бросила самой себе столь же символический вызов, она, тем самым, пыталась сохранить и обеспечить односторонность одаривания. В результате этого она превратилась в специфический способ «отдаривания» дарения. При посредничестве различных форм «симулятивной референции» она возвратила этот дар самой себе, но не в виде социалистического строительства социализма, а как собственное «бытие к концу» (Хайдеггер). Ей пришлось, в силу того что ее связь со строительством оказалась существенно деформирована, бросить самой себе как тоталитарной «системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем, кроме своей гибели и крушения» [2].

Тотальный террор

На этапе становления тоталитаризма террор, будучи системообразующей формой диктатуры пролетариата, носил в основном классовый характер и был направлен не просто против враждебных пролетариату классов, но против тех классовых и социально «чуждых элементов», которые реально были и потенциально могли быть противниками социалистического строительства.

На этапе воспроизводства тоталитаризма, когда он из источника развития советской истории превратился в основание ее целостного бытия, тотальный террор как бы раскололся на две взаимосвязанные формы осуществления. Его внутренняя форма отражала и выражала направленность террора против так называемых «строителей социализма», а внешняя – против потенциальных и актуальных врагов социалистического строительства. Когда тоталитаризм обернулся на себя как социалистическое строительство и стал основанием самодвижения советской истории, террор обрел форму «Большого террора», особым образом в виде «тотального террора» соединившего в себе внутреннюю и внешнюю форму своего проявления. Соединившего террор против «строителей социализма», мешавших, по мнению власти, другим строителям социализма, строить социализм, и террор против тех, кто, оказавшись на аннексированных СССР в предвоенные годы территориях, не желал участвовать в строительстве на этих землях светлого будущего.

По мере того как тоталитаризм из основания превращался в «основоустройство» тоталитарного бытия советской истории, внутренняя и внешняя формы осуществления террора становились устойчивыми, опосредующими функционирование друг друга, способами тотального воспроизводства его сущности. Они уже не были непосредственно направлены против строителей социализма и их врагов. Критерием их различения и отождествления стала Война как способ продолжения

Мировой революции. Те «советские» народы, которые потенциально могли, по мнению власти, противодействовать этому процессу, были депортированы. Те военнослужащие, которые во время боевых действий оказались в плену, и те граждане, которые в силу различных обстоятельств оставались на оккупированной территории, были подвергнуты организованному насилию, как «невыясненные» (А. Платонов) и потенциально опасные для будущего Мировой революции. В эту же категорию попали и те, кто проживал в освобожденных от фашизма странах Восточной Европы, кто был не прочь на развалинах своих государств построить «народную демократию», но категорически возражал против строительства в их странах социализма. Возникшее после окончания войны так называемое «Ленинградское дело» было своеобразным продолжением в новых исторических условиях идей и практики «Большого террора» и было направлено, в первую очередь, против внутренних врагов. Развернувшаяся в эти же годы борьба с так называемыми «космополитами» была своеобразной внутренней репетицией организованного в 50-х годах внешнего насилия над теми, кто был против продолжения в странах Восточной Европы Мировой социалистической революции.

Когда тоталитаризм из «основоустройства» превратился в форму развития советской истории, тотальный террор стал относительно самостоятельным способом самообоснования его самости, способом ее развития по своим собственным, преимущественно символическим законам. При этом внутренняя и внешняя формы его осуществления опосредовали друг друга таким образом, что фактически совпадали, в результате чего он превратился в единый и неделимый способ тоталитарного строительства социализма в мировом масштабе. Суть символического террора в том, что он находил и преследовал в обществе и власти скрытых и открытых врагов не социалистического строительства социализма, но тех «инакомыслящих», кто был против строительства «фикций» (Аренд) – символического строительства Ничто.

В отличие от «красного террора» времен Революции, на этапе развития тоталитаризма террор «становится тотальным, когда он уже независим от любой оппозиции; он верховный правитель, когда никто уже не стоит на его пути. Если следование законам есть сущность нетиранических правлений, а беззаконие – сущность тирании, то террор есть сущность тоталитарного господства» [1, с. 603] – господства над людьми и их историей. Его главная цель заключалась в том, чтобы обеспечить определенным силам истории «свободный бег сквозь косную среду человечества, бег, не тормозимый никаким стихийным, самопроизвольным человеческим действием» [1, с. 603]. Для ее достижения тотальный террор не просто консолидировал определенные исторические силы тоталитаризма, но таким образом организовал их «свободный бег», что в результате кардинальным образом изменилась целостность и природа истории.

На завершающем этапе тоталитарного развития советской истории террор из реального насилия превратился в «символическое насилие» над тем, что было внутренней формой развития целостного мира советской истории – насилие над самой историей как непрерывным историческим процессом. На вызов Оттепели, который власть сама же себе и бросила, она с помощью «воображаемой референции» («призрачное существование» полной и окончательной победы социализма) ответила (отдарила дарением) «строительством коммунизма» – символическим насилием над *будущим*. На символический вызов Застоя она ответила «совершенствованием развитого социализма». Тем самым, с помощью «марионеточной референции» (Бодрийяр) и «ностальгически воскрешаемой реальности», она попыталась примирить исторический мир социализма с его *настоящим*. В результате «призраки, поглощенные системой в ходе ее прежних революций и искусно воскрешаемые ею в виде революционных фантазмов» [2] освободились, преврати-

лись в «операциональных симулякров», которые посредством символического насилия создали особое состояние исторического мира – «состояние всеобщей манипулируемости» [2]. На символический вызов Перестройки власть ответила «недетерминированной субверсией» (Бодрийяр), обращением к «порядку кода» советской истории и попыткой «рекуперации, манипуляции и реутилизации» [2] ее славного *прошлого*. Она попыталась вернуть к жизни «идеалы Октября», «ленинские нормы». Поскольку «лишь беспорядок символического способен прорваться в код» [2], избавиться от исторических наслоений, искажений и сокрытий, постольку она в этом процессе породила «бесконечный ряд симуляций», превратив социалистическое строительство в манипулятивную перестройку «порядка кода» и мутацию «социализма с человеческим лицом» в симулятивную модель.

Стремясь поставить себе на службу прошлое, настоящее, будущее советской истории как целостного мира, тоталитаризм с помощью символического насилия произвел «в самом себе разрыв с бытием» [9], разрушил временность исторического процесса в самом себе и, тем самым, фактически уничтожил целостность этого мира. Пытаясь остановить распад времен исторического процесса, он всегда использовал один и тот же метод символического насилия – существенно *ускорял* ход тоталитарного развития советской истории. Превращал социалистическое строительство в бесконечную и бессмысленную гонку за «воображаемым» коммунизмом, в манипулятивный иллюзион операциональных симуляций, лишенных какой-либо референции знаков «совершенствования развитого социализма», в способ упаковки реальной истории тоталитаризма в «черный ящик кода» [2], в котором «элементарная генетическая матрица» социалистического строительства социализма расшифровывалась в виде ускоренного строительства «социализма с человеческим лицом». В результате всех этих символических симуляций времени, манипуляций с процедурами времени временности «история отошла от дел, оставив после себя индифферентную туманность, пронизанную потоками, но лишенную своих референций» [3].

Жизнь в условиях эпидемии «исторической болезни»

Сплющивая, сворачивая, самопреломля советскую историю, тоталитаризм без меры насыщал ее «избытком истории» (Ницше), превращал избыток в постоянно действующий источник эпидемии «исторической болезни». С помощью избыточной истории он «соскальзывал в сокрытость» [11] собственного исторического бытия: скрывал в ней то, что еще не было открыто [1], «засорял» ее различного рода «затемняющими» сокрытиями [2] и тотально погружал в мир искажений и видимостей [3], в котором «возможности обмана и дезориентации особенно упорны» [11]. В условиях эпидемии «исторической болезни» жизнь использовала разные способы «прохождения сквозь господствующие сокрытия» [11]. Она вела себя примерно так же, как и во время эпидемии чумы: отгораживалась, закрывалась от болезни; следовала определенному порядку, который обеспечивал ее воспроизводство; устраивала своеобразный «пир во время чумы», на котором в различных имитационных формах возбуждала, пробуждала, собирала в себе воедино необходимые для существования и борьбы жизненные силы. При этом она использовала разные средства для «отвода сокрытий» советской истории. Но только те, которые позволял ей применять тоталитаризм. С их помощью она пыталась «открыть», «переоткрыть», «новооткрыть» (Хайдеггер) историческое бытие советской истории. Ницше называл эти средства «родами истории», мы же определяем их как дискурсы ее бытия: «монументальная», «антикварная», «критическая» история (Ницше). С их помощью жизнь стремилась обрести историческое бытие и стать исторической жизнью – стать полноценным способом развития советской истории как целостного исторического мира. Для этого она последовательно и настойчиво

«отводила сокрытия» от этого мира и способствовала открытию его «полного бытия» (Сартр), «переоткрытию» «позитивного бытия» (Сартр) и «новооткрытию» «собственного бытия» (Сартр).

Монументальная история

На этапе становления советской истории, когда тоталитаризм с помощью диктатуры пролетариата и социалистического строительства всячески скрывал от нее все то, чего в ней еще не было, но могло быть открыто, жизнь пыталась вырваться из плена этих сокрытий путем открытия «полного бытия» советской истории. Тоталитаризм активно противодействовал этому. Он, с одной стороны, превращал жизнь в «расколотую целостность» (Сартр), с другой стороны, как бы восстанавливал ее единство, но теперь уже на иных основаниях – на основании конкретного тождества диктатуры пролетариата и строительства социализма в виде начала развития советской истории.

Становящаяся, находящаяся на первом этапе своего развития советская история должна была обеспечить непрерывность своего бытия как целостного *исторического процесса*. Эту задачу ей пришлось решать в жестких условиях «нехватки бытия» – отсутствия в советской истории бытия «для-себя в самом себе по способу тождества» [9]. Фактически, ее становление было «своим собственным переходом к тому, чего ей не хватает» [9]. Не хватало же ей, в первую очередь, того, что могло бы обеспечить ее «полное бытие». Чтобы восполнить его нехватку, советская история исключила из него все то, что могло бы хоть как-то ограничить данный исторический процесс. С этой целью, используя особую процедуру – *автономизацию*, она изъяла из себя то, что мешало ей быть непрерывным историческим процессом – она удалила из своего бытия жизнь. Одновременно с этим советская история попыталась, напротив, включить, вернуть жизнь в исторический процесс и возместить с помощью процедуры ее *историоризации* нехватку своего бытия. Посредством автономизации советская история превратила жизнь в фон своего осуществления. С помощью историоризации она сделала этот фон формой своего восхождения к «полному бытию». В данном случае имел место и обратный процесс. Распадающаяся целостность жизни инициировала распад бытия истории на собственно историю и жизнь, превращение историоризированной жизни в источник «перенасыщения известной эпохи историей» [7]. В ней появились своеобразные «обжиралы истории» (Ницше), которые отказывались от самих себя и своей жизни ради достижения и постижения безграничных горизонтов ее бытия. «Обжирая» их, они производили «избыток истории», который стал основной причиной эпидемии «исторической болезни». В ответ на угрозу ее распространения жизнь, подвергнутая процедуре автономизации, как это было и во время эпидемии чумы, ушла в «полное заключение» (Фуко). Осуществила строгое пространственное распределение всех, без исключения, своих отправлений, закрыла себя от всяческих внешних воздействий. Запретила всем живущим покидать установленные для проживания территории и тем самым, уподобляясь «бродячим животным» (Бодрийяр), разносить по закрытой, разделенной на отдельные, не связанные между собой сегменты жизни, бактерии смертоносного недуга.

Оторвавшись, отпав в процессе автономизации от истории, жизнь обрела особую форму существования – превратилась в то, что большевики-ленинцы называли «мещанством». В свою очередь, ее историоризация средствами коллективизации сделала жизнь из «еще-несобранности-вместе» «собираанием частей в кучку» [11]. Для того чтобы хоть как-то сблизить между собой эти две абсолютно противоположные формы жизни, стремясь обеспечить «полноту бытия» истории, а тем самым и непрерывность осуществления исторического процесса, советская история использовала дискурс «монументальной истории». С его помощью она пыталась

максимально «сближать разнородные элементы, обобщать и, наконец, отождествлять их... смягчать различия мотивов и побуждений, чтобы за счет *causae* представить *effectus* в монументальном виде» [7]. В результате естественные связи между людьми, и в первую очередь *causae* как «мелкое и низкое, заполняющее все уголки мира и окутывающее тяжелым земным туманом все великое» [7], исчезали, а произведенные *effectus* превращались в «великие завоевания Октября». Среди них особое место занимало самое главное «завоевание» эпохи – советская власть в форме диктатуры пролетариата. Она стремилась превратить жизнь в «способ, которым бытие раскрывается как не являющееся для-себя» [9]. Обостряя классовую борьбу, диктатура пролетариата с помощью данного дискурса «закрывает открытый круг» (Сартр) жизни, но зато, при этом, открыла в ней носителя и распространителя «исторической болезни» – открыла то, что Л. Троцкий называл «советской бюрократией», а мы называем «пролетариатом диктатуры». В процессе синтеза диктатуры пролетариата с самой собой как формой развития классовой борьбы и способом организации власти «монументальное воззрение» на историю обрело «полную иконическую истинность» [7] и стало «эффектом в себе» (Ницше). Использование этого дискурса на «почве диктатуры» (Сталин) привело к тому, что «число исторических “эффектов в себе”, т. е. производство “следствий без достаточных причин”» [7], увеличилось лавинообразно и приняло характер эпидемии «избытков истории».

Превращая *causae* в *effectus*, в «упорное состязание в беге с факелами» [7], «которым только и может жить дальше великое» [7], дискурс «монументальной истории» выполнял в советской истории очень важную функцию. Заполняя своими *effectus* пропасть между «мещанской жизнью» и жизнью «пролетариев диктатуры», он сближал их настолько, что в результате они, оставаясь абсолютно различными историческими формами жизни, оказывались в одном «большом заключении». Отделяя жизнь от истории, погружая ее без остатка в исторический процесс, будь то в форме «частной», или «коллективной» жизни, он в конечном итоге обездвигивал ее и тем самым способствовал восстановлению непрерывности и полноты бытия советской истории. Тем самым, в какой-то части, он компенсировал ей нехватку ее бытия.

Чего же не хватало становящейся советской истории для того, чтобы ее бытие было полным, сплошным, законченным и целостным? В эпоху «Великого перелома», перехода от становления к развитию выяснилось, что ей не хватало социализма.

Антикварная история

По мере того как тоталитаризм превратился в основание и основоустройство целостного исторического мира советской истории, он создал вокруг нее особое облако затемняющих сокрытий, «засорил» ее своими *effectus* и аффектами. Попытавшись прорваться сквозь них к «позитивному бытию» истории, жизнь «переоткрыла» ее, но лишь как то бытие, которое «еще не есть то, чем оно будет, и что оно уже есть то, что оно не есть» [9]. Стремясь «выдать это за что-то, что оно не есть» [11], она «переоткрыла» бытие советской истории, но всего лишь как бытие, которое «себя ближайшим образом и большей частью кажет» [11].

Эпидемия «исторической болезни» выявила в бытии истории «нехватку бытия», но кроме этого она открыла в ней его «недостатки» (Сартр). Всякий недостаток бытия «предполагает тройственность: то, чего недостает, или недостающее; то, кому недостает того, чего недостает, или существующее; и целостность, которая распалась посредством недостатка и которая будет восстановлена посредством синтеза недостающего и существующего» [9]. Какой же был основной «недостаток» тоталитарного развития советской истории, как он появился и что было сле-

лано жизнью для синтеза ее существующего и недостающего? Как удалось, несмотря на эпидемию «исторической болезни», превратить целостный мир тоталитарной истории в «полное позитивности бытие» (Сартр) советской истории?

Для того чтобы тоталитаризм из начала развития советской истории стал «общей формулой господства» (Фуко) его бытия над историей, необходимо было преодолеть внутри него «раскол» на власть и строительство и обеспечить «синтетическую целостность» (Сартр) их соподчиненного развития. Но для этого, в том числе, надо было остановить естественный и закономерный «распад» (Сартр) жизни, который был следствием этого «раскола». Необходимо было найти и задействовать такой исторический механизм, который бы позволил «распавшуюся целостность» (Сартр) жизни сделать синтетическим единством ее исторических проявлений. Советская власть и социалистическое строительство нашли способ решения проблемы недостаточности ее бытия. Советская власть обнаружила его в недавнем прошлом «расколотой» истории – в «классической эпохе» (Фуко). А социалистическое строительство, «самопреломившись» в ближайшее будущее, открыло его в себе как социализм. Это позволило им не только остановить в настоящем «распад» жизни, но и в особой форме произвести синтез ее целостного бытия как существующего и недостающего.

Что же нашла власть в глубинах классической, или «промышленной эпохи» (Фуко) такого, что позволило ей из источника стать «основоустройством» целостного исторического существования жизни? Она обнаружила там «новую политическую анатомию», в основании которой лежали особые механизмы «микрофизики власти» – «дисциплинарные механизмы» ее осуществления. Социалистическое строительство с этой же целью обратилось к тому трансцендентному объекту, который так же, как и дисциплинарные механизмы, мог при определенных условиях стать «основоустройством» его осмысленного бытия – обратилось к социализму. В результате «самопреломления» советской власти и социалистического строительства недостаточное бытие жизни обрело два принципиально новых измерения своего существования. Оно распалось на так называемую «дисциплинарную “формацию”» [10, с. 441] и «мир желаний» [9]. Естественно, что тут же появился и особый способ их синтеза, способ превращения недостающего бытия тоталитаризма в «чистое бытие» (Гегель) жизни и ее «чистую идеальность». С его помощью тоталитаризм попытался реализовать свое положительное «бытие-в-середине-мира как конечный проект своего бытия-в-мире» [9].

Для того чтобы советская история могла развиваться в форме тоталитаризма, она должна была исключить из своего существования все «недостатки» бытия и построить «полное позитивности бытие». Первую задачу, как мы уже отмечали, она решала путем «дисциплинирования» жизни. Вторую – посредством превращения социалистического строительства в строительство «мира желаний». Синтез существующего «дисциплинарного общества» и недостающих, пока еще «сырых качеств» социализма, а значит, и позитивность ее бытия, обеспечивал *сталинизм*. Он был, с одной стороны, производённо-производящей формой *идеализации* жизни, с другой стороны, «метафизическим коэффициентом» (Сартр) ее развития, практически и идеологически устанавливающим в ней меру тождества тоталитаризма («формулы господства») и социализма («форм» строительства). Именно сталинизм полагал меру и, в конечном счете, нес ответственность за то, чтобы в целостном бытии жизни и советской истории произошел окончательный и полный синтез существующего и недостающего. Чтобы она наконец-то обрела «положительное бытие»: «успехи в коллективизации», «достижения индустриализации», «победы в ВОВ», «быстрое восстановление народного хозяйства» и т. п. Сталинизм устанавливал коэффициент взаимопроникновения, взаимообоснования и

взаимополагания в жизни ее «бытия-в-себе и бытия чистой идеальности» [9], полагал меру полноты и окончательности побед социализма.

Сталинизм – это не просто способ синтеза советской власти и социалистического строительства социализма, но сущность погруженной в целостность бытия тоталитарной истории жизни. Будучи «образцовым сущим» (Хайдеггер), он «приходит из фона будущего к существующему как смысл, который никогда не дан и который всегда его преследует» [9]. С него можно «считывать смысл бытия» (Хайдеггер) советской истории. Сталинизм является «идеальным синтезом» (Сартр) тоталитаризма как мира и ничто, приводящего, с одной стороны, к превращению в-себе тоталитаризма в тоталитаризм для-себя; с другой стороны, к «размножению этих» [9] – к размножению строителей и их бессмысленных «котлованов». Он выступает гарантом того, что жизнь будет осмысленной, пока существует «не фон, не форма, а идеальность фона» [9]. И быть смыслообразующим принципом исторического бытия жизни он сможет ровно столько, сколько будет существовать «круг самости» тоталитарной советской истории. Организуя круговорот ее самости, сталинизм одновременно во весь рост ставит вопрос о смысле существования тоталитаризма и дает на него исчерпывающий ответ в виде того образа жизни, который он в этом круговороте постоянно воспроизводит как ее положительное бытие. Этот вопрос мог бы звучать и так: «Только чем тогда люди друг около друга держатся – неизвестно. Что ты их слюнями склеиваешь иль одной диктатурой слепил?» [8, с. 320]. И ответ на него мог бы быть, например, таким: «Тут, товарищ Гопнер, у всех одна профессия – душа, а вместо ремесла мы назначили жизнь» [Там же].

Жизнь «дисциплинарного общества» и «мира желаний» могла «реализоваться только как присутствие по отношению к бытию по ту сторону бытия» [9] жизни. Для того чтобы там оказаться, ей нужно было «возвыситься» до его целостности. И «это возвышение над миром – условие самого его возникновения как такового» [9] было осуществлено посредством не автономизации и историоризации, а *идеализации* бытия жизни – путем ее деконструкции (сведения всего многообразия жизненных проявлений к ограниченному набору жизненных функций), субституции (замещения реальности жизни репродукциями, нормами и ритуалами ее позитивного осуществления), институционализации различных «технологий производства индивидов», способов «сложения сил», «комплексных пространств», «аппаратов» (Фуко) – репрезентации жизни в качестве управляемого и контролируемого, «экономного» процесса отправления жизнедеятельности масс и индивидов.

Превратив «частную» и «коллективную» жизнь в нечто целое и единое, поставив с помощью дискурса «антикварной истории» себе на службу ее обновленное бытие, сталинизм помог жизни приспособиться к избыточному давлению со стороны «исторической болезни». Окружив себя, с его помощью, различного рода аффектами, она научилась воспроизводить себя как «положительное бытие». В результате организованного и упорядоченного сталинизмом «падения» (Хайдеггер) жизни в мир «дисциплинарных механизмов» и «фантазмов желаний» ее бытие стало набором определенных, идеальных *аффектов*, которые существовали в виде «сырых качеств» чистой материи тоталитаризма. Каждый из них был «переживаемым проектом, который не предполагает никакого предварительного размышления, но который несет в себе самом свой смысл и свою интерпретацию» [9] – несет в себе и особым образом раскрывает «бесцветную случайность» [9] жизни каждого конкретного Я и их множества. Что отличает аффект всякого строителя социализма и победителя социалистического соревнования от всех иных аффектов жизни, так это то, что он, будучи «проектом в пустоте тревоги» [9] «не может быть движущей силой его действий» [9] и нуждается во внешнем управлении со стороны сталинизма.

В «назначенной жизни» (А. Платонов) сталинизм разомкнул «образцовое сущее» с помощью дискурса «антикварной истории», который позволил ему открыть «самого себя во всем этом, свою силу, свое усердие, свои удовольствия, свои суждения, свою глупость и свои причуды» [7]. Используя этот дискурс в качестве средства размыкания сущего советской истории, он как бы поставил «историческую болезнь» на «службу жизни» [6]. Обнаружил в ее бытии как «фоне» социалистического строительства универсальную форму существования «образцового сущего» советской истории – открыл в нем ленинизм. С его помощью он создал «проект себя по ту сторону» [9] исторического бытия жизни – по-своему «одушевил» все те вещи и явления, которые составляли целостность существования данного бытия. Тем самым он превратил социалистическое строительство в проект (форму «фона») социалистического строительства социализма в отдельно взятой стране. И, наконец, сталинизм сделал саму жизнь особым проектом – способом ликвидации «мира желаний» и формирования на данной основе и в этом процессе у людей «истинного исторического чувства» [7], чувства «благополучия дерева, пустившего прочные корни» [7] в жизни.

Сталинизм – это способ существования «исторической болезни», которая с помощью дискурса «антикварной истории» служит не просто жизни, а «служит минувшей жизни так, что подрывает дальнейшую жизнь, и в особенности высшие ее формы» [7]. В этой жизни «человек окружает себя атмосферой затхлости» и «дерево умирает» [7]. Когда «последыши-антикварианты» [7] зычным голосом на весь мир возвестили – «наше поколение на вершине своего развития» [7], «душа» освященной сталинизмом жизни превратилась в ничто, растворилась в «критической истории».

Критическая история

Став формой развития целостного исторического мира советской истории, тоталитаризм не просто скрыл то, что еще не было в ней открыто, с помощью различных сокрытий затемнив, засорив ее бытие, но и посредством различных сокрытий исказил его. «Взломав искажения» (Хайдеггер), отведя сокрытия видимости и кажимости, открыв в советской истории механизмы и формы, с помощью которых «сущее вырывает у потаенности» [11] и создает «бытие-для-обнаружения» самого себя, жизнь произвела «новооткрытие» советской истории как такого целостного исторического мира, который, хотя и имел «собственное бытие» (Сартр), но исключительно в виде «фиктивного бытия» (Аренд).

В бытии истории, как мы уже отмечали, может не хватать бытия. Оно может быть «недостаточным» бытием. А может стать и быть *небытием*, в котором исчезает, растворяется нехватка и недостаток бытия и остается лишь ничто, которое преследует бытие и отрицает способы его существования. Преследуя бытие, ничто преодолевает «тройное небытие» [9] бытия и открывает в нем его сущее, которое конституирует данное бытие как *собственное*, т. е. само свое бытие.

На завершающем этапе своего развития советская история попыталась открыть в своем «полном» и «позитивном» бытии собственное бытие в виде *исторической жизни* – формы развития и размыкания сущего бытия целостной советской истории. А открыла в себе лишь «тройное небытие» своего сущего: «отграничение от чистого исчезания, но также и от лишь-околевания и наконец от “переживания” ухода из жизни» [11].

В эпоху Оттепели историческая жизнь открыла в советской истории социализм как его сущее – произвела его «отграничение от чистого исчезания» в непосредственном, наличном бытии. При этом она отрицала бытие этого сущего, «отшатывалась» (Хайдеггер) от него. В результате чего небытие ее бытия («полная и окончательная победа социализма») превратилось в бытие ее небытия («комму-

низм») – стало местом «тихого блаженства индифферентности» [9] «вперед-себя» (Хайдеггер) бытия целостной советской истории.

В эпоху Застоя историческая жизнь реализовала способ отграничения советской истории от ее «околевания». Она «падала» (Хайдеггер) в «позитивное бытие» коммунистического строительства коммунизма, которое «еще-не» (Хайдеггер) существовало, и возвращала в советскую историю все тот же социализм, но не в виде его непосредственного, наличного бытия, а как видимость – как «развитый социализм». Но, самое главное, она возвращала в него видимость социалистического строительства – «совершенствование» видимости социализма, которое осуществлялось в виде «собирания сущего», «прогрессивного суммирования сущего», как «переход в неналичность» и «свое еще-не» [11]. В результате такого рода собирания установилось «равенство индифферентности» [9] реального и развитого социализма, которое не позволило сущему советской истории «околевать» и удерживало его в состоянии «прихода-к-концу» (Хайдеггер).

В эпоху Перестройки историческая жизнь путем «бегства» (Хайдеггер) от реально-развитого социализма, бессмысленного процесса совершенствования бытия его небытия и небытия его бытия реализовала сущее советской истории в виде способа ее отграничения от «переживаний» ее ухода в небытие собственного «скончания» (Хайдеггер). Перестройка не просто отрицала социализм или его строительство, но она пыталась восполнить «утрату бытия вот» [11], открыв в нем то, что «конец сущего que присутствия есть начало этого сущего que наличного» [11]. Тем самым она ничтожила «бытие к концу» советской истории и сводило ее «скончание от конца» [11] к фактическому бытию ее сущего как видимости сущего: «непосредственность небытия есть как раз то, что составляет видимость; но это небытие есть не что иное, как отрицательность сущности в ней самой. Бытие есть небытие в сущности» [6, с. 16]. Перестройка раскрыла это сущее как начало (социализм с ленинским лицом), которое «есть единство бытия и ничто или, иначе говоря, оно есть небытие» [5, с. 131], «соотнесенное с бытием как неким другим; начинающегося еще нет, оно лишь направляется к бытию» [5, с. 131]. Она раскрыла, как советская история стала «озаботившимся “*бытием-при*” внутримирно встречном сущем» [10], а социалистическое строительство социализма превратилось в «фон индифферентности» [10], т. е. безразличного отношения к самой себе советской истории.

В процессе рефлексивного движения советской истории и превращения исторической жизни в форму развития ее непрерывного и целостного бытия основным способом консолидации его сущего был процесс *трансцендирования* жизни с помощью дискурса «критической истории». Именно он обеспечивал ее «возвращение в себя как отрицательное ее самой», «слияние с собой», «снятие своего другого, непосредственности», «снятие возвращения в себя» (Гегель).

Процесс трансцендирования жизни представлял собой противоречивое единство двух процедур, которые конституировали ее как особый симулякр исторической жизни. С одной стороны, он раскрыл те механизмы, с помощью которых советская история использовала жизнь для того, чтобы открыть, раскрыть и реализовать свое «тройное небытие» и индифферентное отношение бытия к своему бытию. С другой стороны, он показал, каким образом жизнь стала в себе и для себя симулятивно-исторической, как она с помощью дискурса «критической истории» симулировала Суд истории над своей историей. Как в этом процессе она судила саму себя по законам жизни.

В процессе трансцендирования жизнь сбросила с себя маску смерти (разоблачила культ личности Сталина) – открыла в себе жизнь как жизнь; оправдала свою историю как жизнь (законсервировала сталинизм) – оправдала видимость историчности своего бытия; открыла в себе те жизненные силы (ленинизм как «исти-

ну» сталинизма), которые, казалось бы, могли вернуть ей самоценность и сделать ее реальной, имеющей собственное бытие исторической жизнью. Способствовал ей в этом дискурс «критической истории», который помогал советской истории в игровой форме трансцендировать «себя на наших глазах к ценности и возможностям» [9] социализма. Он показал, что историческая игра жизни «грандиозна, потому что она является одновременно и местом экстаза ценности, и местом ее исчезновения» [4]. С его помощью жизнь допросила советскую историю о ее ценностях, обвинила ее в том, что она эти ценности потеряла, вынесла ей приговор за бессмысленность бытия.

Сбросив с себя в процессе самопроса маску смерти как «возможность прямой невозможности присутствия» [11], «попирая святыни» [7] советской истории, жизнь «новооткрыла» себя как жизнь. Попыталась «создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить» [7]. Тем самым она раскрыла себя как историю небытия, открыла в себе жизнь прошлого как «основовозможность собственной и несобственной экзистенции» [11] и, став на ее позиции, обвинила историю как прошлое самой себя. Подступив «с ножом к ее корням» [7], жизнь реализовала собственный исторический потенциал как «крайнюю возможность» [11] своего бытия, окончательный приговор возможной исторической жизни.

Жизнь втягивает в свою игру не только историю, но и человека. Участвуя в ней, человек «не стремится обладать бытием мира» [9]. Его цель состоит «в том, чтобы достигнуть самого себя как определенного бытия, а именно бытия, которое находится под вопросом в его бытии» [9]. Для того чтобы «быть самому себе собственным основанием, принять и управлять своим собственным бегством внутрь, быть, наконец, этим бегством» [9], он с помощью «критической истории» трансцендировал свою жизнь.

В эпоху Оттепели жизнь открылась ему в виде двух существенно различных способов бытия ее абсолютной свободы: «бытия личности» [9] и бытия «вперед-себя» истории. Ее «рефлексивное раздвоение» [9] произошло в процессе бурного обретения жизнью самой себя как абсолютной свободы. Пытаясь остановить «распыление бытия» [9] истории, она буквально стащила с советской истории маску сталинизма – развенчала культ личности Сталина. Тем самым окончательно отняла «у реальности ее реальность» [9] и открыла для нее возможность стать и быть небытием – коммунистическим строительством коммунизма. Одновременно с этим человек старался «открыть себя свободным в самом своем действии» [9]. А основная функция его действия заключалась в том, «чтобы обнаружить в предоставленном самому себе абсолютную свободу, которая есть само бытие личности» [9]. Он и предоставлял эту свободу бытию в виде своего «бегства» к самому себе как личности.

Застой раскрыл «наготу субстанции» жизни, показал, что если свобода «играет в детерминизм и упорствует в своей игре» [9], то в жизни происходит «эскалация достоверности» (Бодрийяр), в результате чего она осуществляется как «полнота, зияющая своей пустотой» [4]. Все ее проявления обесцениваются, наступает «бесконечная галлюцинация утраченной детерминации» [4]: «субстанция ценности улетучивается из них вследствие игры проявлений и произвольности правил» [4]. В результате история жизни обесценивается, а совершенствование и так уже развитого, более зримого, чем зримое, социализма становится «преступлением самого видимого» [4].

В эпоху Застоя человек ничего не ищет, но, как «серьезный человек пребывает “в мире” и не имеет никакого убежища в себе; он даже не рассматривает больше возможность выхода из мира, так как он задает сам себе тип существования утеса, устойчивости, инерции, непрозрачности бытия-в-середине-мира. Само собой разумеется, что серьезный человек зарывает в глубине самого себя сознание своей

свободы; он – в самообмане» [9]. Для него «все есть следствие и никогда нет принципа» [9]. Его серьезность является «измерением человеческой реальности в пользу мира» [9].

Во времена Перестройки бытия советской истории жизнь пыталась «наложить на него форму» (Бодрийяр), которая бы позволила раскрыть ее собственное бытие – раскрыть жизнь как историю. Ее адепты пытались сделать это следующим образом: «на самое четкое черным по белому они тотчас накладывают свою промокательную бумагу, самый изящный рисунок они пачкают жирными штрихами своей кисти, которые выдают за поправки, – и дело сделано» [7]. В результате «собственного бегства» в «собственное основание» ее бытие из небытия должно было стать собственным бытием, но превратилось в ничто – форму «скончания» (окончание конца) советской истории и ничтожения жизни.

В условиях Перестройки «серьезный человек», «находясь под угрозой в мире со своей историчностью» [9] оказался, как и положено для включенного в кругооборот своей самости человека Застоя, в состоянии своеобразного раздвоения личности. С одной стороны, он, наследуя устремления человека Оттепели, пытался воспроизвести в себе «свободное отношение к себе». С другой стороны, он старался воссоздать в себе историчность своего бытия – способность быть не только тем, что он есть, но и стать тем, что есть окружающий его мир. В этих условиях он также, как «серьезный человек», измерял человеческую реальность в «пользу мира». Отличие заключалось лишь в том, что этим миром для него была не советская история как целое, а конец ее бытия – Перестройка. Ее он превратил в меру историчности бытия своей жизни. И не важно, был он «за» или «против» нее. При любом варианте ответа, она была средством реабилитации его жизни и выступала масштабом бытия как личности. С ее помощью он измерял историчность своего бытия как бытия возможностей жизни иметь силы для воссоздания собственного бытия.

Попытки жизни с помощью дискурса «критической истории» противостоять «исторической болезни», хотя бы даже и в форме Игры – Суда над историей, освободить себя для собственного бытия, вернуть его себе и стать исторической жизнью привели к тому, что советская история, так же как и верховное руководство жизни над ней, закончилась. А это значит, что закончился «конец бытия» советской истории (Оттепель), ее «бытие к концу» (Застой), наступил конец процессу ее «скончания» (Перестройка). В результате обращения небытия советской истории в ее собственное ничто, произошел переход от небытия истории к ничто жизни. Бытие жизни обратилось в ее ничтожное основание, а человек превратился всего лишь в «мигание ничто» (Сартр).

Как известно, «ничто бытия встречается только в рамках бытия» [9]. Оно «не может быть ничто иначе, как если оно определено себя ничтожит как ничто мира, т. е. если в своем ничтожении оно направляется точно к этому миру, чтобы конституировать себя как отказ от мира. Ничто носит бытие в своей сердцевине» [9]. Какое же бытие не просто преследует, но носит в своей сердцевине Ничто советской истории? Этим бытием является Революция. Жизнь приговорила советскую историю к «скончанию» ее окончания. Тем самым она открыла для нее новую реальность – реальность возможного «вознесения к истории» (Ясперс). Возносясь вместе с советской историей посредством Революции к собственному историческому бытию, жизнь, опираясь на уже пережитый опыт борьбы с «исторической болезнью», опыт отвода от себя сокрытий-искажений не просто закончила, но *завершила* эту историю саму по себе.

* * *

Советская история искала и нашла в себе, в том числе с помощью особых процедур самоопределения исторического бытия жизни, достаточно эффективные способы и механизмы преодоления в себе нехватки и недостатка бытия, а также его небытия. Путем «открытия», «переоткрытия» и «новооткрытия» своего бытия она отвела от себя различного рода сокрытия, разомкнула себя как потаенное, кажущееся и искаженное бытие. В результате этих действий, казалось бы, она достигла определенного уровня полноты, позитивности и собственности (самости) ее бытия, но на деле всё то, чего она достигла, оказалось всего лишь единством определенных форм ее окончания («конец», «бытие к концу», «скончание» (Хайдеггер)), отрицания и ничтожения. Несмотря на предпринимаемые жизнью усилия, ее непримиримую борьбу с «исторической болезнью», сокрытиями и избытками истории, советская история оказалась, в конце концов, брошенной в «бытие к смерти» (Хайдеггер). В своем «бегстве» (Хайдеггер) к смерти и «падению» в нее, она не исчезла, но «вознеслась» к своему бытию и превратилась в прозрачный Купол для ретрожизни. О том, как это произошло, мы подробно расскажем в заключительной части нашего исследования.

Литература

1. Аренд Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. С. Седова ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – URL: <http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. – URL: <https://www.rulit.me/books/fatalnye-strategii-read-380828-1.html> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1971. – 248 с.
7. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / пер. Я. Бермана. – СПб. : Лань, 2013. – URL: <https://e.lanbook.com/book/5897> (дата обращения: 04.02.2020).
8. Платонов А. П. Чевенгур : роман ; Котлован : повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. – М. : Время, 2011. – 608 с. – (Собрание).
9. Сартр Ж. П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии. – URL: <https://e-libra.ru/read/193325-bytie-i-nichto-opyt-fenomenologicheskoy-ontologii.html> (дата обращения: 04.02.2020).
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М. : AdMarginem, 1999. – 478 с. : ил.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).

Vladimir Anatolyevich Loskutov,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Yekaterinburg)

Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The Second Article)

This article presents an attempt to analyze the universal mechanisms of totalitarian "flattening", "folding", and "self-refracting" of Soviet history. It also answers the questions of how totalitarianism from the beginning of the development of Soviet history became the basis, and then the form of its simulated and symbolic being, and what place terror occupied in these processes. It explains how it turned from "improvised means" (Heidegger) of self-justification of totalitarianism into total terror, and how in the conditions of the Thaw, Stagnation, Perestroika it acquired a symbolic form of its manifestation. The article examined in detail how life, with the help of the

discourse of monumental, antique, critical history, confronts the epidemic of the "historical illness" of Soviet history; frees it from various kinds of concealment through autonomy, historicization, and transcending; and how, as a result of all these processes, it reveals in Soviet history its being-to-death (Heidegger). The author concludes that Soviet history overcame the lack of being, its insufficiency, and non-existence, constituted itself as a "complete", "positive", "own" being with the help of Stalinism, which was its "metaphysical coefficient" development (Sartre).

Keywords: totalitarianism; terror; socialism; socialistic construction; Stalinism; the epidemic of the "historical illness; monumental, antique, critical history.